

PANZAR

ДМИТРИЙ ТИХОНОВ

«СТЯЩИЙ РУЧЕЙ»

СПЯЩИЙ РУЧЕЙ

I.

Спящий Ручей – селение солидное, добротнo выстроенное, хорошо укрепленное. Оно лежит среди поросших древним лесом восточных отрогов Торгорского Кряжа, в семи днях пути по реке от Молодого Города. Здесь живут рудокопы да лесорубы – гномы и люди – мрачные и суровые, как и сами эти места. Они не рады чужакам, морщатся при звуках песен, отмахиваются от досужих бесед и пустых разговоров. Железную руду и лучший в мире лес сплавляют они вниз по реке до Молодого Города, который вот уже два десятка лет непрерывно строится, разрастаясь во все стороны. Обратнo везут зерно, табак, мед, порох, эль, шкуры, кожи и ткани, инструменты и оружие – все то, без чего жизнь в селении стала бы столь же серой, как окружающие скалы.

Обитатели Спящего Ручья не справляют Самогойна (так, на гномий манер, называют здесь праздник Хеллоуин), разве что позволяют себе лишнй час просидеть в «Седом Лосе» добряка Медновара да пропустить по дополнительной кружечке темного. Это всего лишь дань традиции – традиции здесь уважают – но никоим образом не торжество и не веселье. Никаких масок, фонарей, резных тыкв и прочего баловства, никаких танцев, никаких гуляний. Здесь живут серьезные люди и не менее серьезные гномы, которым не пристало тратить свои силы и время на всяческую чепуху.

Возможно, именно поэтому, когда впервые зажглись огни на вершине Рогатой горы, никто в Спящем Ручье не придал им особого значения. Ну, развели какие-то путники

пару костров в лесу – разве это преступление? И неважно, что ночь Самогойна повсюду считается самым жутким временем в году, когда нечисть выбирается из своих убежищ и творит черные дела. Неважно, что старики говорят, будто бы демоны и ведьмы слетаются в эту ночь на отвратительные свои сборища, шабаши, и празднуют наступление очередной зимы, танцуя вокруг огромных костров. Предрассудки и нелепые суеверия, только и всего.

Утром выяснилось, что пропали две девушки да юный мастер Гресс, сын одного из лесорубов. Кроме того, в одном из хлебов обнаружили выпотрошенную и наполовину сожранную корову. Ну и еще собак кто-то перепугал на восточной окраине селения. Несчастные зверюги попрятались по конурам, выли и скулили на все голоса, не давая своим хозяевам честно отдохнуть после трудового дня. Несколько следующих ночей жители Спящего Ручья несли дозор на улицах и возле частокола, что опоясывал деревню, но не заметили ничего подозрительного и никакого зверя не изловили. Постепенно тревога улеглась, пропавших объявили сбежавшими – такое случалось иногда среди местной молодежи: особо взбалмошные, не желавшие уважать традиции и образ жизни родни, покидали Спящий Ручей в поисках приключений или лучшей доли – и все вернулось на круги своя. Гномы поднимали из шахт руду, люди валили лес, а затем все это отправляли вниз по реке. Привычный, испокон веков заведенный порядок.

Ровно через год, в ночь Самогойна, вновь полыхали огни на вершине Рогатой горы, но если кому и приходили в голову воспоминания о том, что случилось в прошлый раз, их оставляли при себе. Не хватало еще прослыть среди соседей выдумщиком или безумцем. Подумаешь, огни. Может, плотогоны, возвращающиеся из Молодого Города, решили разбить лагерь, не рискнув преодолевать оставшийся путь в

темноте. Может, охотники забрели слишком далеко и решили дожидаться утра в лесу. Мало ли найдется нормальных, разумных, достойных объяснений!

На этот раз снова пропали трое: углежог Стефан, живший на самой окраине, его жена и дочь. Взрослые сыновья Стефана, недавно вернувшиеся из своего первого путешествия в Молодой Город, провели ночь в «Седом Лосе». Впрочем, это не стало препятствием для того, чтобы именно на них пали подозрения после того, как в опустевшем доме углежога обнаружили кровь. Совсем немного, всего несколько капель. И пару свежих следов от какого-то тяжелого лезвия на дверном косяке. Братьев схватили, обвинили в убийстве родных, чьи тела так и не были обнаружены, через неделю судили, а еще через неделю повесили. В Спящем Ручье не церемонились со злодеями.

Эти странных и жутких событий хватило, чтобы обеспечить трактир темами для обсуждений на ближайшие пару месяцев. Дом пропавших, на который больше не претендовали никакие наследники, пустовал недолго – практичные соседи прибрали его к рукам, и уже к началу весны никто в деревне и не вспоминал о семье несчастного углежога. Минуло лето, полное тяжелых трудов, и листья на деревьях вновь окрасились в кровь и золото, а затем осыпались в грязь. Почти две недели шли проливные дожди, превратившие окрестности Спящего Ручья в непролазное болото, а когда они закончились – в самый канун Самогойна – в сгущающейся темноте можно было с легкостью различить огни на Рогатой горе.

- Не нравится мне это, - пробормотал Турр Лисьи Лапы, старшина плотогонов. – Опять костры горят.

Он, разумеется, сказал это не просто так – можно подумать, уважаемому человеку больше не о чем побеседовать с товарищами за кружкой эля – но чтобы сменить тему

разговора, который ни с того ни с сего начал вдруг сворачивать к тому, куда пропала добрая треть средств, вырученных в Молодом Городе за последнюю партию леса. Лисьи Лапы и трое его друзей – Лохматый Волд, Лысый Фогг да Хью Хриплый Сыч – сидели вокруг стола у восточного окна «Седого Лося», курили трубки, потягивали эль и обсуждали дела. Из окна было прекрасно видно Рогатую гору во всей ее мрачной красе. На затянутом тучами небе невозможно было различить ни единой звезды, и яркие пятна огней на ее вершине сразу бросались в глаза.

- Опять? – Хриплый Сыч тоже выглянул в окно, едва не опрокинув свою кружку. – И правда! Вот ведь зараза... что бы это значило?

- Ничего хорошего, - криво усмехнулся Турр. – Как и в прошлом, и в позапрошлом году.

- А?

- Костры появляются там только в эту ночь. И каждый раз в деревне случается несчастье.

- Совпадение, - отмахнулся Лысый Фогг. – Ты говоришь, как суеверная старуха.

- Совпадение? – Хриплый Сыч принялся набивать трубку, исподлобья поглядывая на собеседников. – Мне так не кажется. Даже самые дикие суеверия не появляются сами по себе, и мало ли в мире зла, которое нам не дано понять? Я хорошо помню Ночь Безумия, а потому могу поверить во все, что угодно, если увижу это собственными глазами.

- В том-то и дело, - сказал Лысый Фогг. – Никто ничего не видел. Плюньте-ка на эти костры, давайте закажем еще по кружке.

На несколько мгновений над столом повисло молчание, серое и тяжелое, словно густой туман над болотом.

- А кто-нибудь вообще ходил туда? – спросил Лисьи Лапы.

- Куда?

- На вершину Рогатой. Кто-нибудь поднимался туда за эти три года?

- Зачем? Деревья там не самые лучшие, да и тащить их оттуда долго.

- Причем тут деревья? Чтобы взглянуть на то место, где вот уже третий год подряд в ночь Самогойна кто-то разводит костры. Костры, предвещающие беду Спящему Ручью.

- Брось, дружище! Те молодчики сами зарезали отца, мать и сестру. Костры там были ни при чем. Или ты знаешь что-то, о...

- Не знаю я ничего, - огрызнулся Лисьи Лапы. – Но хочу знать. Если костры и в самом деле не имеют ничего общего с тем, что происходит у нас, то слава Двухголовому и вашей проницательности, парни. Но если сегодня опять пропадут или погибнут люди, а потом вдруг выяснится, что предотвратить это можно было, разобравшись с гостями на Рогатой горе, то я себе этого не прощу. И вам тоже, кстати. Вообще, так или иначе, не мешало бы подышать свежим воздухом, раз уж ливень прекратился.

- К чему ты клонишь? – прищурился Лысый Фогг.

- Давайте сходим на вершину Рогатой горы. Проверим, есть там кто или нет.

- Сейчас?

- А когда еще? Утром будет поздно.

- Там грязь жуткая... - начал было ныть Лысый Фогг, но Хриплый Сыч прервал его:

- Я тоже иду.

- И я, - кивнул Лохматый Волд. – Прогуляюсь.

Фогг бросил на него недовольный взгляд, потом потер нос и кивнул:

- Хорошо. Пойдемте. Только уговор – никому ни слова, иначе засмеют.

- Увидим.

Турр принялся отсчитывать монеты, чтобы заплатить за выпивку. Заметив это, к столу подскочил трактирщик Медновар, удивительно толстый и благодушный гном в широченном кожаном фартуке.

- Уже уходите? – пробасил он. – Там следующая порция ждет, как обычно.

- Да, появились важные дела, - кивнул Турр, поднимаясь. – Завтра допьем.

Гном посмотрел им вслед, грустно вздохнул и, собрав пустые кружки, потащил их в подсобку. Наступающая ночь обещала быть холодной и абсолютно темной.

- Захватите фонари и мушкеты, - скомандовал на крыльце Турр. – Встречаемся через четверть часа у восточных ворот.

Сам он, разумеется, отнесся к собственным словам со всей возможной серьезностью: достал из тайника в чулане мушкет, кисет с порохом и кожаный мешочек с пулями, повесил на пояс слева небольшой топорик, а справа – охотничий нож, надел куртку покрепче. Лишним не будет. Затем долго разыскивал масло для светильника, но, поняв, что опаздывает, решил идти без лампы. Потрепал по волосам младшего сына, подмигнул вечно чем-то недовольной жене и был таков.

Трое остальных уже ждали его у восточных ворот. Высокие сапоги, посохи, ружья – ни дать ни взять, компания охотников, собравшихся на кабана на ночь глядя. Только ни у одного из них в глазах нет предвкушения веселой погони. Раздражение, злость, затаенный страх. Так или иначе, ничем хорошим эта вылазка не кончится.

Хью Хриплый Сыч пошел первым, пристроив свой фонарь на раздвоенное навершие посоха. При ходьбе лампа покачивалась и скрипела, но со своей задачей справлялась: отбрасывала сгущающийся вокруг мрак, будила уснувшие было тени. Турр двигался сразу позади, держа на плече

заряженный мушкет. Он не боялся, но смотреть на озаренную таинственным светом вершину Рогатой горы, что возвышалась впереди, избегал. От одного ее вида ему становилось неуютно.

Шли молча, только Хриплый Сыч время от времени призывал смотреть под ноги. Где-то слева, в беспросветной черноте, гулко ухал филин. Через полчаса они пересекли по узкому бревенчатому мостику ручей, давший название деревне, миновали несколько недавних вырубок и углубились в чащу. Пришлось зажечь вторую лампу – одной не хватало, чтобы освещать заросли вокруг.

Начался подъем. Склон, поначалу довольно пологий, становился все круче, и спустя еще четверть часа, все они, тяжело дыша, уже с трудом карабкались по нему, цепляясь за кусты и корни деревьев. Прелая палая листва, плотным ковром покрывавшая здесь землю, скользила под ногами, ветви цеплялись за одежду. Турр вспомнил, как много лет назад играл здесь мальчишкой, как легко и проворно забирался на любую высоту, не обращая внимания на крутизну склонов. Тогда ему и в голову не могло придти, что однажды он станет утаивать выручку от друзей. Турр помотал крупной косматой головой, отгоняя неприятные мысли. Совесть нашла крайне неподходящее время, чтобы взбрыкнуть.

- Бабка моя, - подал голос Хью. – Эт самое, была женщиной старого склада. Твердая как камень. Безжалостная, как медведь-шатун. Никогда в жизни ничего не сочиняла. Но про Самогойн рассказывала всякое...

Он остановился, привалившись спиной к стволу огромного, странно искривленного клена, замер, хватая ртом воздух. Остальные встали рядом. Небольшой привал был им определенно необходим.

- Давай, трави свои байки, - через силу усмехнулся Фогг.

- Не мои, а бабкины, - поправил Хью. – А она баек не

травила. Говорила только о том, в чем была уверена. Так вот, по ее словам выходило, что ночь Самогойна – единственная, эт самое, ночь в году, когда создания Хаоса вырываются из Бездны. С них снимают цепи и ошейники, им дают полную свободу. И они рыщут по миру, вселяются в слабых духом людей и заставляют их творить черные дела. Так она и говорила – черные дела...

- Ты к чему это ведешь?

- К тому, что, может, и зря мы тогда порешили пареньков, у которых семья пропала. Поторопились.

- Давай не будем об этом сейчас, - скривился Турр. – Давай доберемся до вершины, а обсудить справедливость народного суда можно и завтра.

- Завтра все станет по-прежнему, - отмахнулся Хью. – Завтра мы снова утонем в делах, и найдем причины, чтобы отложить эти мысли, найдем оправдание, чтобы забыть о них и спокойно жить дальше. Не только вы или я, все деревня, весь Спящий Ручей, будь он проклят во веки веков!

- И тем не менее, - Турр говорил медленно, чеканя каждое слово, потому что чувствовал, что если сейчас сорвется, то наверняка не сумеет остановиться и превратит разговор в драку. – Мы сейчас здесь вовсе не для душевспасительных бесед, верно? Прекрасно, если свежий воздух вдруг прочистил твою совесть. Но будь добр, излей ее нам на обратном пути, хорошо?

Не давая Хью возможности ответить, Турр двинулся дальше по склону. Чертыхаясь и ворча, остальные последовали за ним. Лысый Фогг шел последним, шепотом бормоча ругательства себе под нос. Он мог бы выпить еще одну кружку доброго гномьего эля в «Седом Лосе» и уже давно забрался бы под одеяло к одной из сестриц Харлайр. Или сразу к обеим. Угораздило же ввязаться в такую передерягу! Нет, перед следующим сплавом нужно поговорить со

стариками, убедить их, что Турр Лисьи Лапы уже не в себе. Такому человеку нельзя доверять руководство. Мало ли какая нелепица вдруг взбредет ему в голову. Давно пора поставить на его место другого, более молодого, куда более достойного, умелого, ответственного. И пусть у него голова гола, как колено, это еще никому не мешало руководить плотогонями.

Позади раздался странный, еле различимый звук – то ли шепот, то ли шорох. В первое мгновение Фогг был уверен, что ему показалось, но все же обернулся. И успел заметить бледный силуэт, мелькнувший меж деревьев всего в нескольких шагах от него.

- Эй! – крикнул он, пытаясь отыскать в кармане огниво, чтобы зажечь светильник – Стой!

- Что такое? – окликнул его Турр.

- Тут кто-то есть, - сказал Фогг. – Кто-то идет за нами.

- Не может быть.

- Я слышал. И видел. Вон там, между деревьев.

Хью и Лохматый, подняв лампы повыше и изо всех сил стараясь не поскользнуться, направились туда, куда указывал Фогг. Турр встал рядом:

- Кто это был?

- Не знаю. Не различил. Просто фигура в белом.

- В белом?! – фыркнул Турр. – Да в такую погоду никто не сумел бы добраться сюда, не превратив по пути белую одежду в... - он вдруг замолчал, задумавшись. – Если только тот, кого ты заметил, не ждал нас здесь.

- Ни души! – развел руками Хью, осмотрев заросли. – Почудилось, наверное.

- Я уже совсем протрезвел, - сказал Лысый Фогг. – Да и не пью столько, чтобы чудилось. Точно вам говорю, там...

Жуткий звук прервал его. То ли вой, то ли хохот – надрывный, пронзительный и невероятно громкий. Он раздался где-то наверху и скатился по склону подобно

снежной лавине, наполняя ночь грохочущим эхом.

- Проклятье! – Турр впился взглядом в темноту, что отделяла их от вершины горы. – Что это?

- Выпь? – шепотом произнес Лохматый Волд.

Фогг нервно хохотнул:

- Умом тронулся? Ничуть не похоже.

Турр обернулся:

- Сейчас выясним! Давайте за мной, осталось немного... Хью, ты где?

Фогг и Волд тоже повернулись. Хриплый Сыч, ниже остальных спустившийся в поисках неизвестного существа в белом, пропал. На том месте, где он стоял всего несколько секунд назад, на мокрой, примятой листве, гасла упавшая набор лампы.

- Эй! – закричал Лысый Фогг. – Не самый удачный момент для шуток!

Турр жестом велел ему молчать, начал спускаться, но поскользнулся и, опрокинувшись на спину, покатился вниз. Волд бросился за ним, Лысый, громко ругаясь, потянулся к фонарю Хью. В этот самый момент оно и явилось.

Краем глаза Лысый Фогг заметил бледное, тусклое свечение, похожее на то, что испускают блуждающие огоньки на болотах. Он резко повернулся и успел увидеть размытый, неясный силуэт, скользнувший мимо. Именно он источал то зловещее сияние, и именно он показался здесь Фоггу минуту назад. Никаких сомнений. Но теперь ему удалось различить гораздо больше, и от увиденного сердце рухнуло в пятки.

Полупрозрачная плоть, словно бы сотканная из бледного света, искаженные в гримасе ненависти черты, тонкие, извивающиеся конечности, огромная распахнутая пасть. Еле слышно шелестя, будто подхваченные ветром сухие листья, существо устремилось к Лохматому Волду, который, не глядя по сторонам, пытался добраться до Турра.

Фогг хотел крикнуть, предостеречь его, но голос замер в груди, скованный ледяным ужасом, и наружу вырвался только сиплый, болезненный стон. А затем призрак обрушился на Волда, и они вдвоем ухнули вниз, во мрак. Беззвучно и бесследно.

Едва дыша, Фогг стащил с плеча мушкет, трясущимися пальцами достал огниво. Если что, он готов был драться, но как можно победить подобную тварь? Тишина вокруг стала плотной и вязкой, как гниющая листва под ногами. Она была полна зла и желала его крови. Она смотрела на его испуганное лицо со всех сторон, изучала его из темноты голодным, безжалостным взглядом, готовилась к решающему броску.

Впереди, значительно ниже по склону, мелькнуло белое сияние. Отсвет на стволе дерева. Фогг вскинул мушкет, хотя и понимал, что вряд ли успеет вовремя поджечь запал. Еще один отсвет, чуть дальше. И вновь тьма. Тихая, монолитная. Спустя несколько мгновений - снова отсвет, а сразу за ним – выстрел. Резкий грохот, последовавший за вспышкой, сорвал с застывшего человечка оцепенение. Он побежал вперед, туда, где кто-то из его товарищей только что разрядил в жуткого обитателя горы мушкет. Склон был слишком крут, Фогг постоянно падал, наткнулся на ветви и деревья, потерял мушкет. Тишина, напуганная выстрелом, теперь собралась с силами и мчалась за ним по пятам, наполняя душу колючим страхом. Когда он споткнулся о лежащего Турра, то лишь истощенным усилием воли заставил себя остановиться и осмотреть его.

В темноте было хорошо заметно, каким белым стало лицо старшего плотогона, какой темной была кровь, текущая из его рта. Веки Турра дрогнули и поднялись.

- Ты... ты видел? – спросил он еле слышно.

Фогг быстро закивал, боясь издать хоть один лишний звук, боясь разозлить тишину, обратить на себя ее внимание.

- Беги в деревню, - прошептал Турр. – Предупреди жителей... а затем... отправляйся в Молодой Город. Найди тех, кто сможет одолеть зло. Беги.

Фогг снова кивнул и побежал, испытывая облегчение от того, что не пришлось тащить на себе старшину. Вдвоем им никогда бы не удалось уйти от ползущей по пятам тишины. Но он собирался выполнить указания Турра. Выполнить в точности.

II.

Фогг вернулся только через полторы недели. Но вернулся не один. Вместе с ним холодным туманным утром в Спящий Ручей вошли пятеро странных путников, один вид которых в прежние времена привел бы местных жителей в ужас. Двое людей – оба высокие, с каменными лицами и взглядами, но вооруженные и одетые по-разному – это еще куда ни шло. Гном в перепачканном грязью камзоле и тщательно начищенной треуголке, с многоствольным мушкетом за плечом – тоже. Но вот здоровенного орка, тащившего на спине огромный, перетянутый несколькими ржавыми цепями сундук, и эльфийку, от тонких доспехов которой непрерывно поднимался пар, еще месяц назад встретили бы закрытые ворота, полные презрения взгляды и проклятия, а возможно, даже выстрелы. Лысый Фогг, разумеется, знал об этом и заранее продумал возможные ответы на вопрос, почему ему не удалось найти других охотников тащиться в такую даль и в такую погоду.

Но предосторожность оказалась излишней. Спящий Ручей был непривычно тих и безлюден. Одна из створок ворот валялась в грязи, вторая едва держалась на месте. Посреди дороги, превратившейся в сплошное месиво, бесформенной грудой возвышалась опрокинутая телега, а рядом зиял серыми дырами остов лошади. Вокруг рассыпались ящики и тюки, валялись чьи-то порванные сапоги и разбухший от влаги кафтан.

- А ты был прав, - сказал Фоггу гном, снимая с плеча

мушкет. – Дело, похоже, серьезное.

Один из людей – тот, что был облачен в стальную кирасу с массивными наплечниками и вооружен устрашающего вида скипетром – мрачно кивнул:

- Я бы даже сказал, серьезнее некуда. Во всей деревне ни души.

- Неправда, - сказал второй, тощий, одетый в легкий плетеный доспех, – Живые тут еще есть. Попрятались. Но думаю, первых мы найдем впереди, вон в том большом доме.

- Это «Седой Лось», - пояснил проводник. – Из него мы и заприметили те огни.

Они поднялись на крыльцо таверны. Гном постучал. Внутри не раздалось ни звука.

- Медновар! – позвал Фогг. – Это я!

Дверь слегка приоткрылась. Хозяин исподлобья оглядел новоприбывших, особенно долго таращился на орка и эльфийку. Молчание затягивалось.

- Это я, - снова сказал Фрогг. – Привел помощь.

- Заходите.

Они ввалились внутрь. Трактир был пуст, столы громоздились вдоль стен, закрывая окна. У Медновара в руках обнаружилась старинная аркебуза с тяжелым, украшенным медью прикладом.

- Разрешите представиться! – воскликнул гном, театральным жестом снимая треуголку. – Меня зовут Торвульф Не Промах, и я имею честь возглавлять славную компанию охотников за нечистью. Мы славные ребята, пусть выглядим немного потрепанно и странно. Вот этот зеленый здоровяк с коробом за плечами – Шоггар Злые Когти. Тот закованный в дорогую броню тип – Йэрл Неистовый, отважный, хотя слегка высокомерный болван. Второй из жалких людишек столь великолепного отряда – Вестмар... э... просто Вестмар. Ищейка, знаете ли. Лучший в своем роде. Ну и, разумеется,

усллада глаз и слуха, сладкоголосая ведьма без имени. Ледяная, прошу заметить, хотя и предпочитает пользоваться посохом. Вот такая загогулина: посох есть, а имени нет, ничего не поделаешь. Мы уже привыкли. В нашем деле без ведьмы нельзя никак. А вас, кажется, зовут Медноваром?

- Все верно, - мрачно ответил трактирщик. – Очень приятно.

- И нам, и нам тоже. Поведайте же, что произошло. Ваш досточтимый друг... э... Фогг, кажется... тот малый, что привел нас сюда, рассказал о жутких призраках и огнях, горящих на вершине соседней горы. Но, судя по всему, с тех пор, как он покинул селение, здесь кое-что успело произойти.

- Да уж успело, - Медновар бросил угрюмый взгляд на Фогга. – Лучше бы, ваша милость, не ходили они в тот раз никуда. Лучше бы по кружечке еще взяли, вот как на духу говорю. С них все и началось. С той самой ночи. Люди стали пропадать... ну, не только люди, разумеется, гномы тоже. Семьями. Десятками. Паника, понятное дело, ждаться себя не заставила. Уезжать начали, кто поумнее-то. Мародерства, грабежи, драки. За лошадей, за повозки бились едва ль не на смерть. До ножей едва не дошло. Я уж тут заперся, не знаю, кого пуще бояться – живых или... тех, кто по ночам с Рогатой горы спускается.

- Так! – воскликнул Торвильф. – Вот это уже интересно. И кто же спускается с Рогатой горы?

- Да почему мне-то знать! Пусть вот этот вот, который вас сюда привел, и расскажет. Он это зло разбудил, он пусть с ним и возится. А я, знаете ли, жить хочу. Не для того в Ночь Безумия уцелел и трактир отстроил, чтобы теперь сгинуть по вине четырех охламонов, которых под старость лет детство пониже спины клюнуло, и они вдруг решили по горам ползать! Я в стороне держусь... вернее, внизу. В подвале запираюсь. Каждую ночь. И ведать не ведаю, какая-токая

мерзопакость по деревне бродит. Не разбираюсь. Вампиры, может, или оборотни.

- Оборотни? – Торвульф широко улыбнулся. – Нет, это невозможно. Вон у нас, есть один, - он указал на Вестмара, помогавшего орку снимать цепи с сундука. – И, между прочим, не какой-нибудь замшелый ликантроп из глубинки, а самый настоящий вожак стаи. Последний уцелевший старейшина Круга Полнолуния. Слыхали о таких?

Хозяин испуганно уставился на Вестмара, глаза которого в полумраке трактира отливали странным желтым цветом. Оборотень улыбнулся ему, продемонстрировав слишком уж длинные для обычного человека зубы.

- Н-н-нет, не слыхал, - наконец выдавил из себя Медновар. – Слава Двухголовому.

- Оно и видно, - кивнул Торвульф. – Ладно. Вы только не беспокойтесь, многоуважаемый. Дышите ровнее и думайте о чем-нибудь приятном. О пищеварении, например. Теперь дело в надежных руках. Мы – ребята опытные, бывалые, всякого насмотрелись. Справимся. Скорее всего, даже до наступления темноты.

- Правда?

- Конечно. С нечистью всегда надо разбираться, пока светло. Обязательно. Потому что иначе она разберется с тобой.

Он широко улыбнулся, похлопал Медновара по руке, встал и подошел к сундуку, наконец освобожденному от всех цепей. Внутри лежали странные механизмы и доспехи, диковинное оружие, скомканная и перепачканная кровью одежда, связки бутылок, наполненных разноцветными жидкостями. Гном взял несколько промасленных свертков, помеченных криво начерченными рунами, взвесил их в руках, положил в старый холщовый заплечный мешок, повесил его за спину. Потом осмотрел своих соратников:

- Ну, готовьтесь. Берем стандартный набор, пойдем на гору, посмотрим, что там завелось.

Он ткнул пальцем в Фогга:

- Ты идешь с нами, парень. Даже не надейся ускользнуть. Без проводника мы по вашим краям будем блуждать еще дней десять.

Затем Торвульф вновь повернулся к трактирщику:

- Досточтимый Медновар, у меня к вам два вопроса. Первый: не соблаговолите ли вы угостить уставших и проголодавшихся путников чем-нибудь горячим и сытным? Кроме того, чем-нибудь хмельным и прохладным сопроводить трапезу не возбраняется. И второй: где у вас тут, так сказать, гальюн?

III.

Подниматься на гору при дневном свете было, само собой, гораздо проще. Фогг вел охотников тем же самым путем, которым пару недель назад, в ту роковую ночь, шли они с Турром Лисьи Лапы. Он надеялся по дороге найти какие-либо следы своих товарищей, но ничего не попадалось на глаза: ни светильников, ни ружей, ни посохов. Ни тел. Он даже не пытался показать, где в последний раз видел Турра или где пропал Хью. Днем здесь все выглядело иначе.

- Чуешь что-нибудь? – время от времени спрашивал гном у жуткого парня с желтыми глазами. – Есть зацепки?

Но тот только качал головой. Орк тоже постоянно принюхивался и хмурился. Ему не нравилось здесь, на промозглом ветру, по колено в грязи, под бесцветным северным небом. Эльфийка, впрочем, выглядела невозмутимо. Время от времени она шептала что-то Йэрлу, и тот улыбался ей. Возможно, этих двоих связывало нечто большее, чем просто рабочие или приятельские отношения. Фогга аж передернуло от одной мысли о подобном, но ведь чем Бездна не шутит! В конце концов, поговаривают, будто бы один из Королей-Близнецов, Вольфганг Отважный, тоже когда-то крутил роман с остроухой.

Они двигались быстро, действовали слаженно, постоянно помогали друг другу, а потому подъем занял не больше часа. Полдень еще не успел наступить, когда Фогг оказался на вершине Рогатой горы. И увидел то, что так долго дожидалось его там.

- Послушай, парень, - Торвульф осторожно коснулся его руки. – Давай-ка не раскисай. Соберись. В конце концов, ты не глуп и наверняка догадывался... в смысле, вряд ли это для тебя неожиданность, правда?

Фогг зажмурился. Земля под ногами качнулась, к горлу подступила тошнота. Он не хотел смотреть и не хотел знать. Он хотел забиться в глубокую нору, затаиться среди корней и навсегда забыть обо всем.

- Узнаешь кого-нибудь? – мягко спросил гном.

Стиснув зубы, Фогг заставил себя взглянуть вновь. На аккуратной, тщательно расчищенной площадке, окруженной сливающимися в сплошную выжженную линию большими кострищами, были свалены в кучу человеческие останки. Тут лежали и выбеленные временем скелеты, и едва тронутые тленом тела. Старые молодые, мужчины и женщины, люди и гномы. Ветер, чувствовавший себя на такой высоте весьма вольготно, относил запах в сторону, но Фоггу и без того приходилось несладко. Справившись с очередным приступом тошноты, он указал на полуразложившийся труп в изрядно порванном сером камзоле:

- Это Турр. Тот самый, наш старшина.

- Ясно, - задумчиво протянул гном. - Остальные – тоже из Спящего Ручья?

- Вроде бы. Не знаю. Из тех, кого еще можно распознать, все знакомые.

- Что ж, прими мои соболезнования. После... можно будет их похоронить.

Фогг опустил в траву, уронил лицо в ладони. Торвульф переглянулся с Шоггаром, пожал плечами. Йэрл, Вестмар и Безымянная уже изучали жуткую площадку и ее окрестности, тщательно осматривали каждый дюйм.

- Определенно, среди жертв есть как старые, так и совсем свежие, - принялся вслух размышлять гном, внезапно

растерявший всю свою беззаботную веселость. – Значит, их доставляли сюда в течение длительного времени с некой регулярностью.

- Например, раз в год, на Хэллоуин, - сказал Йэрл. – Как и поведал нам наш уважаемый наниматель.

- Верно, - Торвульф щелкнул пальцами. – Каждый год, в одну и ту же ночь кто-то разжигал здесь костры, похищал жителей Спящего Ручья, уволакивал их на вершину горы и убивал. Но с какой целью? Он же ведь их не ел?

- Нет, - подал голос Шоггар, пристально оглядывающий кучу останков. – Не похоже.

- Он приносил их в жертву?

- Возможно, но непонятно кому, - сказала Безымянная. – Мы пока не обнаружили ни магических символов, ни тотемов, никаких оккультных предметов. Если это алтарь, то непонятно, в чью честь.

- Угли, кстати, еще тлеют, - задумчиво протянул Йэрл.

- Хм... в них искали? В кострищах?

- Еще нет.

- Ищите. Эти подонки умеют вызывать призраков и натравливать их на живых. А значит, они практиковали тут серьезную магию. Должны остаться следы.

Торвульф оказался прав, хотя и частично. Спустя несколько минут напряженной тишины, из кустов, росших на другой стороне площадки, раздался крик Вестмара:

- Хо-хо, взгляни-ка сюда, умник бородатый!

Фогг, успевший к этому времени успокоиться и взять себя в руки, поднялся и подошел к остальным, сгрудившимся вокруг находки оборотня. В кустах, надежно скрытая от случайных глаз, пряталась странная металлическая конструкция: медленно вращающийся стальной диск, украшенный парой черепов и горизонтально установленный на круглой плоской опоре. В его центре находилось небольшое отверстие, в

котором лениво ползали крохотные молнии.

- Что это? – спросил Фогг. – Никогда прежде не видел таких штукювин.

- Гномья хреновина, - с видом знатока объяснил орк.

- Скок-врата, - сказал Йэрл.

- Телепорт, - сказала Безымянная.

- Типа того, - грустно согласился Торвульф. – Устройство для выхода.

Вестмар промолчал. Он пару минут сосредоточенно обнюхивал конструкцию, потом поднял на Фогга свои жуткие глаза:

- Мне знаком этот запах. Я встречал его в твоей деревне.

- Еще бы не встречал, - отмахнулся Торвульф. – Половина жителей там – мои сородичи. Похоже, кто-то из них в этом деле основательно замешан. Как ни обидно, но придется приручить мерзавца. Что б не стыдно было в зеркало смотреть.

Гном отошел в сторону, снял со спины мешок, принялся вытряхивать из него какие-то детали. Остальные наблюдали за ним с любопытством.

- Это же будет вход, да? – спросил Йэрл. – А выход где?

- Внизу, в деревне, - ответил гном. – Пока вы копались, установил в одном укромном месте. Просто на всякий случай – вдруг придется с горы литься на всех парах.

- Умно.

- Как всегда, - невозмутимо согласился Торвульф, начиная собирать из деталей диковинную конструкцию. Руки его двигались с удивительной быстротой, прилаживая элемент за элементом. – Так что сейчас я собираюсь нанести визит вежливости своим распоясавшимся сородичам. Вестмар, пойдешь со мной, возьмешь след.

- Я тебе не собака, - огрызнулся оборотень.

- А я и не говорил, что ты собака. Я сказал, что ты возьмешь

след. Ты ведь возьмешь след?

- Возьму, - со вздохом согласился Вестмар.

- Ну вот и отлично. Парень... Фогг, давай тоже с нами. Ты местный, можешь пригодиться. Верно?

Фогг кивнул. Он был бы счастлив оказаться как можно дальше от этого ужасного места. Чем быстрее, тем лучше. Любым способом – пусть даже с помощью телепорта, хоть это и пахивало сомнительным колдовством. Торвульф закончил сборку. Получившийся агрегат, размером с крупную тыкву, напоминал странный железный цветок с закрытым бутонем. Гном оглядел его со всех сторон, хмыкнул и с размаху пнул в бок. Что-то протестующе булькнуло внутри, аппарат несколько раз вздрогнул, а затем треугольные лепестки с жалобным скрипом разошлись в стороны. Спустя мгновение между ними заплясали ломаные зигзаги электрических разрядов.

- Похоже, работает, - удовлетворенно заявил гном. – Значит, пора.

Он взял свой мушкет наперевес, кивнул Фоггу:

- Ты сразу за мной. Вестмар прыгает последним. А вы, ребята, - Торвульф повернулся к остальным. – Переройте тут все еще раз. Загляните в каждую нору, под каждый камень, внимательно осмотрите каждую травинку. До наступления темноты нам жизненно важно, просто кровь из носа необходимо понять, с чем мы здесь имеем дело. До встречи!

Он шагнул в телепорт, и тот захлопнулся, проглотив его целиком. Фогг вздрогнул от неожиданности. Гном исчез, словно его и не было.

- Шагай, не бойсь, - сказал ему Шоггар. – Ничего с тобой не случится.

- Скорее всего, - ровным тоном добавила Безымянная. – Вы ведь помните несчастного Карбадиса?

- А то! – рыкнул орк. – Туда ему и дорога.

- Почему несчастного? - сказал Йэрл. – По мне, так о подобной смерти можно только мечтать.

- Пойдите-пойдите, - сказал Фогг. – Так что произошло с Карбадисом?

Но вместо ответа Шоггар толкнул его в спину, Фогг не удержался на ногах, полетел прямо на телепорт, навстречу синим молниям, и...

Это выглядело так, словно весь мир вокруг моргнул. На долю секунды огромное веко вселенной опустилось, а когда вновь поднялось, он уже стоял на заднем дворе «Седого Лося», среди пожухлых кустов черной смородины, между серым от сырости деревянным сортиром и задней стеной конюшни. Торвульф, привалившийся к этой самой стене, смотрел на него с неодобрением:

- Чего копаетесь там? Солнце не ждать не будет.

- Что случилось с Карбадисом?

- С кем?

- С Карбадисом.

- А, это долгая история. Бедняга шагнул во входной телепорт в тот самый миг, когда кто-то вывел из строя выход. Обычно они друг без друга не работают, понимаешь? То есть, если выход сломан, вход не функционирует, и наоборот. Но тут так совпало... тютелька в тютельку, Кромова мать. За ту самую секунду, что требовалась для перемещения, выход накрылся. И Карбадис исчез.

- Куда он делся?

- Ни малейшего представления. Только Гранитный Отец знает. Может, он до сих пор жив, болтается где-то в Бездне вне нашего мира и однажды вернется, наделенный божественными силами. Может, все наоборот, и его кости давно обуглились в пламени Внешнего Хаоса.

- Я голосую за первый вариант, - сказал Вестмар за спиной у Фогга. – Мне нравился Карбадис. И если бы он вдруг стал

богом, это только укрепило бы нашу дружбу.

- Отлично, философ, - заворчал Торвульф. – Изложи свои переживания на бумаге, когда состаришься. А сейчас давай займемся делом. Вход для телепорта. След. Ищи.

- Чего искать-то, мы уже на месте, - сказал Вестмар. – Пока ты разглагольствовал, я вспомнил, где чуял тот запах. Трактирщик, дружище. Это он так пахнет.

- Дробить-колотить! За мной!

На сей раз стучаться не стали. Вестмар выбил дверь ударом ноги, они с гномом ворвались в полумрак «Седого Лося». Их встретил залп из аркебузы. Фогг замер на крыльце, наблюдая, как в едком синем дыму мелькают темные фигуры. Что-то упало и разбилось с оглушительным звоном, затем раздался треск, с грохотом сломался стол.

- Отпусти! – завизжал Медновар. Безумные, почти звериные нотки в давно знакомом голосе резанули по сердцу. Фогг сморщился и, собравшись с духом, шагнул внутрь. Толстый трактирщик лежал на полу у барной стойки, лицом вниз. Вестмар взгромоздился на него сверху, заломив ему руки за спину. Торвульф стоял рядом, осматривая свое окровавленное предплечье.

- Я пешка! – кричал Медновар. – Я не имею значения! Господин раздавит вас, ублюдки! Он сокрушит вас и выпьет ваши души! Он непобедим!

Торвульф без замаха ударил его в лицо носком сапога. Трактирщик хрюкнул и замолчал.

- Хватит вопить. Давай по порядку. Быстро, четко, без истерики. Если мне понравится, как отвечаешь, то мой друг оборотень не станет есть твою голову. Понял?

Медновар кивнул.

- Отлично. Итак, это ты построил телепорт на Рогатой горе?

- Само собой. Кто ж еще! Здесь больше никому не хватило

бы соображения на такое! Тупые, бездарные твари, сборище ско...

Сапог снова заставил трактирщика замолчать.

- И часто ты туда мотался?

- Почти каждый день. Нужно поддерживать огонь. Это моя обязанность, мой святой долг!

- Не лги. Костры горели только одну ночь в году.

- Мы разводили их для жертвоприношения, да, но угли должны тлеть целый год. День за днем. И под дождем, и под снегом. Это сложно. Очень сложно. Не каждый сумеет. Но я справился, я не подвел...

- Где вход-телепорт?

- Да у меня в подсобке. Только он не работает. Я сломал его. Разбил кувалдой пару минут назад, когда услышал вас у себя на заднем дворе.

- Проверь, - скомандовал гном Фоггу, и тот бросился в подсобку. Там, среди гор грязной посуды, мешков с зерном и пыльных бочек действительно стояло устройство, как две капли воды похожее на то, которое собрал Торвульф на вершине Рогатой горы. Только на сей раз железный бутон был искорежен и измят, один из лепестков лежал на полу. Он вернулся в главный зал, покачал головой в ответ на вопросительный взгляд гнома.

- Кому вы поклоняетесь? – спросил Вестмар, и в голосе его явственно слышалось волчье рычание.

Трактирщик хихикнул:

- Никому. Господину не нужны боги! Он сам почти бог! Он приносил кровавые жертвы самому себе, каждый Самогойн! Год за годом Господин терпеливо копил силы, пил и поработал души. О, он не нуждается в покровителях и защитниках, нет. Его мощь велика, его способности безграничны. Однажды, когда все вы уже будете давным-давно мертвы, он сделает меня своим наместником на земле. Воздаст мне по заслугам!

- Ошибаешься, - прорычал Вестмар ему в ухо. – По заслугам тебе воздам я. Прямо сейчас.

- Вы обречены! – завизжал Медновар. – Падите ниц предо мной, и тогда господин, возможно, пощадит вас и дарует быструю смерть. Ваши друзья, там, на горе, уже покойники. Все до одного! Все до одного!

- Сейчас день, - заметил Торвульф. – Вряд ли при свете...

- Дурак! – захохотал трактирщик. – Ты дураки ничтожество. Господину не страшен свет. Господину не нужна тьма! Он повелевает и тем и другим! Пади ниц, пока не...

- Бежим! – Торвульф схватил Фогга за рукав и поволок к выходу. – Давай, парень, веди нас опять. На вершину горы – самым коротким путем, как можно быстрее! Последний раз на сегодня, обещаю.

Они побежали по улице. Гном морщился и на ходу перехватывал ружье, пытаясь найти наименее болезненное положение. Кровавое пятно на его рукаве заметно увеличилось. Позади них, в «Седом Лосе», раздался протяжный волчий вой.

- Старый глупец, - бормотал Торвульф. – Расслабился, потерял хватку. Никому не стоит доверять, никому и никогда. Поспешим, парень, нам нельзя опоздать...

- А нельзя построить еще один... ну...

- Из чего? Из пивных бочек?! Нет, хитрый поганец провел меня, теперь придется на своих двоих! Быстрее, быстрее!

Их догнал Вестмар. Его чудовищно удлинившиеся челюсти были перепачканы свежей кровью. Фогг отвернулся и усилием воли заставил себя сосредоточиться на дороге, на Рогатой горе, громоздящейся перед ним уродливым великаном, упирающейся в серое, вновь набухающее тучами небо. Нужно торопиться.

Он никогда в жизни так не мчался. Даже в ту ночь, скрываясь от хищной, оскалившейся тишины, полной

призрачных убийц. Болели ноги, сердце остервенело колотилось в груди, холодный воздух жег горло. Вестмар бежал размеренно и стремительно, будто настоящий зверь. Похоже, он совсем не уставал. Если бы оборотень не помогал постоянно гному, короткие ноги и рана которого мешали взбираться с достаточной скоростью, Фогг наверняка бы отстал от него. Как всегда в подобных ситуациях, путь казался в несколько раз длиннее и тяжелее, чем прежде. Время замерло, и заветная вершина горы постоянно маячила где-то впереди, вне досягаемости. Но в тот момент, когда Фогг уже решил, что сейчас рухнет лицом в листву и сдохнет, они все-таки...

- О, Кром! Только не это!

Торвульф наткнулся на тело Йэрла, скатившееся по склону и застрявшее меж двух кленов. Страшная рана в груди и остекленевшие глаза, в которых отражались скрюченные ветви деревьев, не оставляли места надежде.

- Я разорву тебя, мразь! – закричал Вестмар и одним огромным прыжком преодолел оставшееся расстояние. Фогг и гном добрались до площадки несколькими секундами позже. На ней кружили друг напротив друга две фигуры. Первая – здоровенный орк, покрытый многочисленными порезами, с трудом сжимающий в руках тесак и едва переставляющий ноги. Вторая – высокий человек в черном с серебром камзоле и маске из плотной светлой ткани, закрывающей все лицо, кроме глаз. Он был вооружен двумя легкими клинками и двигался плавно, с кошачьим, смертельно опасным изяществом.

Заметив Вестмара, Шоггар прошептал ему:

- Берегись мечей. Каждый порез забирает у меня силы...

Орк шумно выдохнул, покачнулся и повалился на камни. Тесак со звоном отлетел прочь.

- О, новый противник, - произнес человек в маске

вкрадчивым, странно знакомым голосом. – Узнаю повадки. Круг Полнолуния, верно?

Вестмар ничего не ответил, только оскалился и обнажил мечи.

- Ты ведь тоже знаешь, что Владычица пробудилась? – тот, кого Медновар именовал Господином, смотрел только на Вестмара. Торвульф, отступив на несколько шагов, начал заходить ему в тыл и жестом позвал за собой Фогга.

- Ты ведь тоже чувствуешь ее зов, не так ли? – в голосе, который Фоггу прежде доводилось слышать так часто, звучали торжественные, восторженные нотки. – Чувствуешь, как она требует выполнения старых, давно позабытых клятв? Чумное древо вновь зацвело, и все дети Владычицы Теней стекаются в ее сады. Ты знаешь об этом, но, подобно мне, не спешишь присоединиться к новой армии. Ты силен и свободолюбив, как и я. Замени мне того, чьей смертью ты так сильно пахнешь, стань моим вассалом. Присоединяйся, брат, вдвоем мы станем непобедимы, вдвоем мы...

- Я уже выбрал сторону! – последние слова Вестмар проревел в прыжке. С гулким звоном столкнулись клинки, заплясала сталь. Оборотень успел нанести лишь два удара, его противник отразил их оба, а затем вдруг исчез и через мгновение возник чуть в стороне, на расстоянии взмаха меча. Сверкнул клинок - Вестмар взвыл, отшатнулся в сторону. С левой стороны спины на его доспехе появилась тонкая полоса крови. Поморщившись, он снова бросился в атаку.

Торвульф поджег запал своей аркебузы, упер приклад в плечо, попытался прицелиться в Господина, но тот постоянно исчезал, появляясь каждый раз в новом месте, словно кружился вокруг Вестмара в жутком колдовском танце.

- Да чтоб тебя, - проворчал гном. – Замри ты хоть на секунду.

Словно услышав эти слова, Господин остановился,

позволив израненному оборотню атаковать себя. Он ловко увернулся от меча Вестмара и одним быстрым, едва уловимым движением вонзил свой узкий клинок по самую рукоять тому в бок – в почти неразличимую щель меж элементами доспеха. Вестмар застонал – тонко, совсем по-человечески – и рухнул под ноги врагу. В тот же миг гроыхнула аркебуза Торвульфа. Заряды из всех стволов угодили в цель, опрокинули Господина наземь. Фогг тут же рванул к нему, в густое облако порохового дыма.

Первым делом он выбил оружие из рук поверженного, затем одним движением сорвал окровавленную маску с головы колдуна. Он уже знал, что увидит под ней, но все равно, убедившись, не смог сдержать крика:

- Хью, будь ты проклят! Как?!

Глаза того, кто последние два десятка лет носил в Спящем Ручье прозвище Хриплый Сыч, открылись. Фогг отпрянул в ужасе, и Господин метнулся к нему стремительной, черной с серебром тенью. Он ударил своего бывшего товарища ногой в грудь с такой силой, что тот отлетел на десяток шагов и, врезавшись в дерево, рухнул в траву без сознания.

- Я слишком долго ненавидел это имя, чтобы сохранить жизнь всем, кто помнит его, - сказал Господин и повернулся к Торвульфу, который лихорадочно перезаряжал аркебузу. – Бесплезно, гном. Ты не в силах ничего сделать.

Он шевельнул рукой, и из кучи мертвых тел один за другим начали подниматься призраки: бесформенные уродливые силуэты, полупрозрачные, полные бледного зловещего сияния.

- Невероятно, - прошептал Торвульф. – Это невозможно днем.

- Для меня нет ничего невозможного, червяк, - осклабился Господин. – Я повелитель этих духов, и их любовь, их преданность мне так велика, что ради нее они готовы стерпеть

боль, что причиняет им солнечный свет. Ради нее они готовы уничтожать все на своем пути.

Он указал на Вестмара, медленного отползавшего в сторону. Призраки тут же обрушились на оборотня, принялись рвать его плоть. Пронзительные, отчаянные вопли умирающего наполнили воздух – и привели в чувство Фогга. Он попытался подняться, повернул голову и увидел рядом с собой Безымянную. Эльфийка медленно ползла сквозь траву. Она едва дышала, но крепко сжимала белыми, словно молоко, пальцами свой посох.

- Угли, - прошептала она Фоггу.

- Что?

- Угли... держат души в рабстве. Нужно... их погасить...

- Как?

- Не могу встать... направь наверхие...

Фогг кивнул. Безымянная прошептала что-то, сплошь состоящее из шипящих, змеиных звуков, протянула ему посох. Он как можно крепче схватил обжигающе-ледяное древко, поднялся во весь рост. Боль в груди была такой, что в глазах темнело, но он знал, что это последнее усилие. Последний рывок. Потом можно будет отдохнуть. В спокойном, бесстрастном мраке.

Фогг направил украшенный изящной резьбой конец посоха на черную полосу углей, окружавшую мертвые тела. Эльфийка выдохнула последние слова заклинания, и Фогг зажмурился от ослепительно-яркой вспышки. Пальцы его покрылись инеем. Кострища стали замерзать – сверкающая корка льда расползлась по ним с невероятной скоростью. Она еще не сомкнулась в полный круг, а призраки уже оставили тело несчастного Вестмара и устремились к своему любимому Господину, который успел только удивленно вскрикнуть. Их потусторонние глаза горели неизбывной жадой убийства.

Фогг опустился наземь. Он лежал на спине, смотрел в серое небо и тонул в мягком забытии. Для него все закончилось. Он больше не мог бежать. Тишина догнала его, обхватила холодными костлявыми руками и утащила на дно вселенной. Мир остался с другой стороны, а он тонул в океане пустоты и спал. И видел сон.

В этом сне Торвульф подошел к нему и помог подняться. Вдвоем они привели в чувство Безымянную и начали медленно спускаться с горы, поддерживая эльфийку под руки. Гном без умолку болтал, рассуждая вслух о том, куда подевались души после того, как разорвали в клочья своего ненавистного повелителя, о том, как трактирщику все же удавалось поддерживать огонь в кострищах во время дождей, о том, что, возможно, тот как раз оплошал в канун последнего Самогойна и позволил углям потухнуть, отчего призраки вырвались на свободу, но на следующий день, когда Фогг уже убежал за помощью, Медновар и Хриплый Сыч восстановили магическую преграду. Все это было так запутанно и непонятно, имена казались незнакомыми, и Фогг не слушал гнома. Все усиливающаяся боль в груди волновала его куда сильнее.

- Послушай, парень, - замялся вдруг Торвульф. – Сам видишь, отряд мой изрядно подсократился. Как насчет бросить оседлую жизнь и присоединиться ко мне? Бегаешь ты прекрасно, а в нашем деле это часто важнее всего. Остальному научим. А? Отправимся на восток, узнаем, что там за Чумное Древо, о котором толковал тот дробанутый чернокнижник. Нечисти полно в мире, и мне одному никак не успеть всю ее одолеть. Ну? Как тебе мысль?

Несмотря на боль, Фогг улыбнулся.

Это был очень хороший сон.